

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Я не былъ на Пушкинскомъ праздникѣ. Въ той тихой, далекой, полудивной глуши, гдѣ я отдыхалъ отъ Петербурга и литературы, даже газетное эхо шумнаго торжества слышалось какъ-то черезъ два въ третій.

Чудно выходило. Вдругъ пронесется завывающій, сантиментально-тигровый голосъ Я. П. Полонскаго:

Пушкинъ—это возрожденіе
Русской музы, воплощеніе
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ;

.....
Это—въ сумеркахъ Украйны
Прелесть чародѣйной тайны,
Ночь и Лыся гора...

Потомъ послышится воркованіе г. Каткова, еротаго, какъ голубь, и шипъ, и шелестъ рѣчи г. Достоевскаго, мудраго, какъ змій... Гаркнетъ во всю свою молодецкую глотку г. Цитовичъ что-то объ «удобствѣ своего дебоша»... Г. Навроцкій скромно заявитъ, что, по болѣзни дочери, не можетъ украсить собою московское торжество... Послышится глухой шумъ взаимныхъ подкапываній между разными учрежденіями, имѣющими власть праздновать... И скептической голосъ гр. Л. Н. Толстого: «это все комедія!»

Согласитесь, что весь этотъ винегретъ въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ полное право казаться ерундой, говоря энергическимъ старымъ слогомъ. Пушкинъ вовсе не Лыся гора, г. Катковъ совсѣмъ не голубь, и семейное горе г. Навроцкаго не имѣетъ никакого отношенія къ памяти Пушкина. Это навѣрное. Ерундистость всей этой ерунды была для меня потому особенно осязательна, что кругомъ себя я видѣлъ почти только одну мощную, никогда не замирающую и никогда не притворяющуюся природу. Я не знаю, про что гудѣло море, посылая

на берегъ волну за волной, передъ кѣмъ горы снимали и надѣвали свои облачныя шапки, о чемъ шумѣлъ водопадъ, безъ усталы прыгая съ пристулка на приступокъ—но знаю, что никакой фальши тутъ не было. Могу догадываться, про что были по ночамъ шакалы, что шипѣла пойманная черепаха и что свистѣла злобная гадюка—хорошаго мало во всѣхъ этихъ звукахъ, но ерунды все-таки нѣтъ, а есть одно, во истину «откровенное» направленіе, безъ всякаго вилянія и лицемѣрія. Хорошо въ такой дивой глуши пожить! Отойдутъ отъ тебя всѣ печали и обиды, такими мелкими и нестойкими объявятся житейскія дразги, улягутся волненія, окрѣпнутъ нервы и миромъ и безпредметнымъ благоволеніемъ наполнится душа... Очень хорошо.. Но подите же, какъ странно устроенъ человекъ. «Ахъ! двѣ души въ груди его живутъ», и я долженъ признаться, что частица души моей была тамъ, въ Москвѣ. Цикады поютъ лучше Я. П. Полонскаго, змѣя быстрее и изящѣе, чѣмъ Ѳ. М. Достоевскій, скользить по травѣ и камнямъ, гора въ облачной шапкѣ выше М. Н. Каткова, море глубже г. Навроцкаго, а шакалы воетъ, по крайней мѣрѣ, не хуже г. Цитовича. И все-таки...

До такой степени «все-таки», что даже тамъ, въ далекой глуши, я не могъ отказаться отъ удовольствія исвать смысла въ отрывочныхъ звукахъ газетнаго эхо, а, вернувшись въ Петербургъ и вновь окунувшись въ литературный омутъ, рѣшаюсь предложить читателю два-три запоздалыя слова о только-что минувшемъ торжествѣ.

Повторяю, что ни говори Я. П. Полонскій, а Пушкинъ не Лысая гора. Это просто вздоръ. И такого вздора много было наговорено на самомъ праздникѣ и по поводу его. Было, однако, говорено и дѣльное, и значительное. Но если исвать словъ, наиболѣе полно объясняющихъ дѣйствительное значеніе торжества, то, по моему, они заключаются въ вышеприведенныхъ изрѣченіяхъ гр. Л. Н. Толстого и г. Цитовича. Конечно, изрѣченія эти, отчасти благодаря своей лаконической формѣ, а отчасти и по существу, требуютъ поправокъ и поясненій.

«Все это комедія», сказалъ, говорятъ (шипуть въ газетахъ), гр. Толстой г. Тургеневу, который приглашалъ его на пушкинскій праздникъ. Сказалъ и не поѣхалъ. Да, это несомнѣнно комедія, хотя, надо замѣтить, одна изъ тѣхъ комедій, участвовать въ которыхъ ни мало не зазорно. Это комедія, во-первыхъ, потому, что въ торжествѣ, рядомъ съ искреннимъ увлеченіемъ, было обнаружено не мало театральнаго искусства. Это комедія, во-вторыхъ, потому, что Пушкинъ тутъ былъ предлогъ, символъ, прикрытіе, все, что хотите, но только не непосредственный герой торжества. Истинный смыслъ праздника заключается не въ чествованіи поэта, а въ томъ, что, какъ выразилась газета г. Цитовича, литераторы обрадовались «удобству своего дебоша». Грубо и даже малограмотно сказано, но въ основаніи вѣрно. Надо только измѣнить тонъ изрѣченія, тотъ самый тонъ, который, какъ извѣстно,

fait la musique. Г. Цитович пустилъ въ ходъ ругательную музыку. И это бы еще не бѣда. Но надо было сперва твердо установить самый фактъ «удобства своего дебоша», приславъ, разумѣется, болѣе граматическую и приличную форму для выраженія факта, а потомъ уже разобрать, кто изъ «дебошировъ» достоинъ ругательной музыки и кто не достоинъ.

Думаю, не нужно доказывать, что, напримѣръ, голубиное воркованіе г. Каткова, столь противорѣчащее всей его дѣятельности, было настоящей комедіей, въ смыслѣ большаго или меньшаго театральнаго искусства. Нѣкоторые глубокомысленные люди, меня защититъ г. Каткова отъ нападеовъ въ лицемѣрїи, утверждаютъ, что этотъ воинственный Мальбругъ можетъ завтра же съ совершенно чистою совѣстью ѣхать въ свой обычный походъ на литературу, ибо, дескать, онъ предлагалъ примиреніе только на сегодня, на день торжества. Мнѣ кажется, что эта защита есть тотъ самый камень, который услужливый медвѣдь, будучи опаснѣе врага, запустилъ прямо въ лобъ пустынноку. Впрочемъ, не о г. Катковѣ и не объ услужливыхъ медвѣдяхъ рѣчь. Я взялъ г. Каткова только для примѣра. Не онъ одинъ обнаружилъ на пушкинскомъ праздникѣ талантъ комедіанта. И любопытно тутъ не сама комедія, а мотивы, подвинувшіе этихъ господъ выступить на поприще драматическаго искусства. Самый фактъ комедіанства несомнѣненъ даже для тѣхъ, кто его отрицаетъ: они очень хорошо понимаютъ, что лгутъ. Ну, и Господь съ ними! Коли сами себѣ не вѣрятъ, такъ кто же имъ со стороны повѣрить?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это комедія дрянная, и еслибы только изъ нея состоялъ пушкинскій праздникъ, такъ гр. Л. Н. Толстой былъ бы сугубо правъ, отказавшись принять въ немъ участіе. Но дѣло не такъ было, то есть не совсѣмъ такъ. Кромѣ дрянной, лицемѣрной комедіи, была еще комедія искренняя. И состояла она въ томъ, что, подъ предлогомъ чествованія памяти Пушкина, участвовавшіе въ торжествѣ болѣе или менѣе искали и находили «удобство своего дебоша». Такъ всегда бываетъ на подобныхъ торжествахъ, вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, и это очень натурально; но на пушкинскомъ праздникѣ это, предусмотрѣнное г. Цитовичемъ, явленіе получило необычайные размѣры, на что имѣются однако свои резоны.

Я знаю, что И. С. Тургеневъ съ этимъ никакъ не согласится. Всѣ ораторы пушкинскаго праздника естественно должны были заявлять, что вотъ, дескать, мы собрались со всѣхъ концовъ Россіи чествовать дорогую намъ память великаго поэта и т. д. Иначе, конечно, и нельзя. Но, сказавъ на эту, какъ бы даже официальную и во всякомъ случаѣ обязательную тему нѣсколько болѣе или менѣе влихъ словъ, большинство ораторовъ сѣзжало на «дебошъ». Едва-ли не одинъ г. Тургеневъ странно остановился на уваженіи русскаго общества къ великому поэту и даже на этомъ именно явленіи построилъ самую суть

своей рѣчи. Правда, г. Шпилевскій, профессоръ казанскаго университета, всю свою небольшую рѣчь составилъ изъ указанія на вниманіе и уваженіе, которымъ начинаетъ пользоваться Пушкинъ среди инородческой молодежи казанскаго учебнаго округа. Но, какъ ни любопытенъ самъ по себѣ этотъ фактъ, онъ въ настоящемъ случаѣ большого значенія не имѣетъ: инородческой молодежи казанскаго учебнаго округа не было на праздникѣ, да и притомъ она самая малая капля въ морѣ. Г. Тургеневъ естественно поставилъ вопросъ гораздо шире. Вотъ наиболѣе характерный въ этомъ смыслѣ отрывокъ изъ его рѣчи:

«Пушкинъ не избѣгъ общей участи художниковъ-поэтовъ, начинателей. Онъ испыталъ на себѣ охлажденіе современниковъ; послѣдующія поколѣнія еще болѣе удалились отъ него, перестали нуждаться въ немъ, воспитываться на немъ, и только въ недавнее время становится замѣтнымъ возвращеніе къ его поэзіи... Причины того охлажденія... достаточно извѣстны. Намъ приходится только вызвать ихъ въ вашей памяти. Онъ лежалъ въ самой судьбѣ, въ историческомъ развитіи общества, въ условіяхъ, при которыхъ зарождалась новая жизнь, вступившая изъ литературной эпохи въ политическую. Возникли неожиданныя и, при всей неожиданности, законныя стремленія, небывалыя и неотразимыя потребности; явились вопросы, на которые нельзя было не дать отвѣта... Не до поэзіи, не до художества стало тогда. Одинаково восхищаются «Мертвыми душами» и «Мѣднымъ всадникомъ», или «Египетскими ночами» могли только записные словесники, мимо которыхъ побѣждали сильныя, хотя и мутныя волны той новой жизни. Міросозерцаніе Пушкина показалось узкимъ, его горячее сочувствіе нашей, иногда официальной, славы—устарѣлымъ, его классическое чувство мѣры и гармоніи—холоднымъ анахронизмомъ. Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ явился жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь... но на алтарѣ—и сожигалъ... одинъ еиміамъ, люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла... и метла нашлась. Поэтъ-эхо, по выраженію Пушкина, поэтъ центральный, самъ къ себѣ тяготеющій, положительный, какъ жизнь на покоѣ — смѣнился поэтомъ-глашатаемъ, центробѣжнымъ, тяготеющимъ къ другимъ, отрицательнымъ, какъ жизнь въ движеніи. Самъ главный, первоначальный истолкователь Пушкина, Бѣлинскій, смѣнился другими судьями, мало цѣнившими поэзію. Вслѣдъ за скоро прерваннымъ голосомъ Лермонтова, когда Гоголь сталъ уже властителемъ людскихъ думъ, зазвучалъ голосъ поэта «мести и печали», а за нимъ пошли другіе—и повели за собою нарастающія поколѣнія. Искусство, завоевавшее твореніями Пушкина право гражданства, несомнѣнность своего существованія, языкъ имъ созданный—стало служить другимъ началамъ, столь же необходимымъ въ общественномъ устройствѣ. Многіе видѣли и видятъ до сихъ поръ въ этомъ измѣненіи простой упадокъ; но мы позволимъ себѣ замѣтить, что падаетъ, рушится только мертвое, неорганическое. Жи-

ное измѣняется органически—ростомъ. А Россія растетъ, не падаетъ. Что подобное развитіе—какъ всякій ростъ — неизбѣжно сопряжено съ болѣзнями, мучительными кризисами, съ самыми злыми, на первый взглядъ безвыходными противорѣчіями—доказывать кажется нечего; насъ этому учить не только всеобщая исторія, но даже исторія каждой отдѣльной личности. Сама наука намъ говорить о необходимыхъ болѣзняхъ. Но смущаться этимъ, оплакивать преждее, все-таки относительное спокойствіе, стараться возвратиться къ нему—и возвращать въ нему другихъ, хотя бы насильно — могутъ только отжившіе или близорукіе люди. Въ эпохи народной жизни, носящія названіе переходныхъ — дѣло мыслящаго человѣка, истиннаго гражданина своей родины—идти впередъ, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на мигъ изъ виду тѣхъ основныхъ идеаловъ, на которыхъ построенъ весь бытъ общества, котораго онъ состоитъ живымъ членомъ. И десять, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ — празднество, которое привлекло насъ всѣхъ сюда, было бы привѣтствовано, какъ актъ справедливости, какъ дань общественной благодарности; но бытъ можетъ не было бы того чувства единодушія, которое проникаетъ теперь насъ всѣхъ, безъ различія званія, занятій и лѣтъ. Мы уже указали на тотъ радостный фактъ, что молодежь возвращается къ чтенію, къ изученію Пушкина; но мы не должны забывать, что нѣсколько поколѣній подрядъ прошли передъ нашими глазами, поколѣній, для которыхъ самое имя Пушкина было не что иное, какъ только имя, въ числѣ другихъ обреченныхъ забвенію именъ. Не станемъ, однако, слишкомъ винить эти поколѣнія: мы старались вкратцѣ изобразить, почему это забвеніе было неизбѣжно. Но мы не можемъ также не радоваться этому возврату къ поэзіи.»

Во всей коллекціи рѣчей пушкинскаго праздника не найдется ни одной, въ которой отношеніе русскаго общества къ поэту было бы подвергнуто столь тщательному анализу, какъ въ приведенномъ отрывкѣ изъ рѣчи г. Тургенева. Резюмировать этотъ отрывокъ можно такъ: общество охладѣло къ Пушкину по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, а нынѣ опять къ нему возвращается. Сказанная на пушкинскомъ торжествѣ рѣчь эта рѣшительно свидѣтельствуетъ о полной непосредственности торжества: собрались, дескать, люди помянуть человѣка, къ которому были несправедливости, но котораго теперь опять оцѣнили и полюбили; собрались не по какимъ-нибудь стороннимъ побужденіямъ, а единственно потому, что Пушкинъ имъ дорогъ.

Я думаю, однако, что это совсѣмъ не вѣрно, и что подвергнуть сомнѣнію выводъ, естественно вытекающій изъ рѣчи г. Тургенева, не трудно, не только на основаніи общаго колорита праздника, но и на основаніи рѣчи самого г. Тургенева. Да, эта рѣчь свидѣтельствуетъ, мнѣ кажется, съ полною ясностью, что даже самъ г. Тургеневъ участвовалъ въ торжествѣ не столько Пушкина ради, сколько «для удобства своего дебоша»...

Мнѣ надоѣла, однако, эта грубая и безграмотная фраза. На до-ее чѣмъ-нибудь замѣнить...

Въ повѣсти Г. И. Успенскаго «Раззореніе», какія-то таинственныя личности научаютъ героя «производить по своему дѣлу шумъ». И герой очень радъ этой, предлагаемой ему, роли. Да какъ же и не радоваться-то? «Производить по своему дѣлу шумъ» значить жить во вся, отводить наболѣвшую душу, всенародно молиться своему Богу, звать другихъ къ дверямъ его храма, рубить и жечь идоловъ чужихъ, ложныхъ боговъ. Кто же отъ этого откажется, если только у него дѣйствительно есть «свое дѣло», стоящее шума, свой Богъ? А какъ же такому дѣлу не быть у нашего брата, литератора! Я вовсе не хочу говорить комплиментовъ литературному сословію, но вѣдь это такъ естественно: люди, постоянно вращающіеся въ сферѣ мысли и общественныхъ дѣлъ, естественно должны либо сами выработать себѣ стоящее шума дѣло, либо пристроиться къ какому-нибудь готовому. Тутъ ни хвалы не можетъ быть, ни порицанія — иначе нельзя, почти физически нельзя. Другое дѣло формы, принимаемыя «своимъ дѣломъ» и служеніемъ ему. Тутъ найдется мѣсто и хвалѣ, и порицанію, ибо «свое дѣло» можетъ, на примѣръ, вертѣться, какъ флюгеръ, указывающій направленіе вѣтровъ; можетъ оно, кромѣ того, быть и широкимъ, и узкимъ, даже чисто личнымъ. Вотъ это-то и надо бы было разобрать прежде, чѣмъ придавать ругательный тонъ «дебоса» законному стремленію литераторовъ и ученыхъ «производить по своему дѣлу шумъ».

Напомню отрывокъ изъ рѣчи профессора — академика Сухомина, вызвавшій громъ рукоплесканій:

«Пушкину суждено было пережить тяжелую пору для нашей научной и литературной дѣятельности. Какой-то злобный демонъ, духъ разрушенія и гибели, парилъ надъ русскими университетами, изгоняя изъ нихъ служителей истиннаго бога — бога свѣта и знанія. (*Рукоплесканія*). Тотъ же духъ недовѣрія и преслѣдованія тяготѣлъ и надъ литературой. Писатели должны были умалчать на полусловъ и вслѣдствіе этого происходило то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: недосказанная правда казалась ложью и недосказанная ложь — правдою. (*Взрывъ рукоплесканій*).

«Совершенною противоположностью представляетъ эпоха предшествовавшая — начало девятнадцатаго столѣтія, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ царствованія императора Александра I. Тогда люди государственные, участвовавшіе въ составленіи университетскаго устава, доказывали необходимость свободы изслѣдованія и преподаванія. Тогда составители цензурнаго устава открыто и прямо говорили противъ всякихъ стѣсненій печатному слову и добивались для него возможно-большой свободы.

«На чью же сторону склонился Пушкинъ? Что говорили ему его свѣтлый умъ, его чистая совѣсть? — Пушкинъ выразилъ свой взглядъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, и слова его должны

сдѣлаться достояніемъ исторіи и девизомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, всѣхъ истинныхъ друзей науки, литературы и просвѣщенія:

Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.

Не берусь судить объ томъ, что думалъ самъ г. Сухомлиновъ, произнося эти прекрасныя и горячія слова. Но публика, рукоплещая имъ, несомнѣнно не о Пушкинѣ думала, а о злобѣ дня, «производила по своему дѣлу шумъ», клала свитокъ своихъ собственныхъ скорбей къ подножію монумента поэта. У кого же поднимется рука бросить въ нее за это камень, у кого повернется языкъ на порицаніе? Униженія отъ этого Пушкини и его памяти, разумѣется, нѣтъ никакого. Напротивъ. Спросите у любого изъ живыхъ современниковъ, имѣющихъ право ждать памятниконъ и публичнаго поминовенія, и онъ, конечно, скажетъ: если, по обстоятельствамъ времени и мѣста, мой монументъ представить «удобство для дебоша», если къ нему будутъ стеваться потомки для изліянія своихъ скорбей и радостей, то — пусть... И еще бы не пусть! Какого еще, съ позволенія сказать, рожна великому человѣку нужно? Вотъ, если потомки понесутъ къ подножію монумента чисто личное дѣло и личное самолюбіе, тогда другая музыка выйдетъ, музыка, въ самомъ дѣлѣ, оскорбительная для памяти великаго человѣка...

Все это такъ, скажетъ, можетъ быть, г. Тургеневъ, но развѣ вы не видите, что, независимо отъ «удобства своего дебоша», общество пѣнитъ на пушкинскомъ торжествѣ самого Пушкина, непосредственно, безъ отношенія къ какому бы то ни было злобамъ дня? развѣ вы не видите, что его опять начинаютъ чтить, какъ великаго поэта, и возвращаются къ нему, послѣ временнаго охлажденія?

Съ позволенія г. Тургенева, я этого не вижу. Не вижу въ обществѣ, не вижу и изъ рѣчи г. Тургенева. Приведенный отрывокъ изъ рѣчи г. Тургенева самъ собою распадается на двѣ части. Въ одной части, въ той, которая относится къ нашему недавнему прошлому, все ясно и правдиво; въ другой, трагующей о настоящемъ времени, все неясно и произвольно. Когда г. Тургеневъ говоритъ объ охлажденіи къ Пушкину, онъ указываетъ, во-первыхъ, на несомнѣнный фактъ, наиболее яркое выраженіе котораго — статьи Писарева — еще у всѣхъ въ памяти; онъ далѣе изслѣдуетъ причины этого охлажденія, приводитъ ему объясненіе, не совсѣмъ, правда, полное, но тщательное, добросовѣстное и вѣроподобное. Не то въ другой части. Тутъ самый фактъ ставится, если можно такъ выразиться, коломъ. Нѣтъ ни доказательствъ его наличности, ни какаго бы то ни было намека на его причины, а есть одно только недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ симптомы «возвращенія» русскаго общества къ Пушкину? Я ихъ не знаю. Правда, объ этомъ свидѣтельствуемъ

г. Тургеневъ, а свидѣтельство такого челоѣка весьма важно, но все-таки его показаніе чисто голословно. Не видать новыхъ выдающихся изслѣдованій или критическихъ статей о Пушкинѣ, не слышать, чтобы сочиненія его очень пристально читались, и вообще ничего такого нѣтъ, на чемъ можно бы было правомѣрно построить «возвращеніе» къ Пушкину. Правда, нѣтъ и статей въ родѣ писаревскихъ, но это означаетъ можетъ быть только то, что мы маленько постарше стали. Надо при этомъ замѣтить, что Писаревъ считалъ нужнымъ бороться съ Пушкиннымъ, валить его съ пьедестала, значитъ, признавалъ за нимъ силу, а теперь наступила, кажется, пора полного равнодушія. Такъ было по крайней мѣрѣ до пушкинскаго праздника. Не знаю, какъ будетъ дальше. Много и шибко жило за послѣднее время наше отечество, но ни герцеговинское возстаніе, ни турецкая война, ни политическіе процессы, ни процессы разныхъ червонныхъ и другихъ мастей валетовъ, словомъ ни одно изъ событій, велновавшихъ за послѣдніе годы русское общество, не напоминало и не могло напоминать Пушкина. Мало того. Можно, нисколько не оскорбляя памяти поэта, смѣло сказать, что намъ было не до него. И это косвеннымъ образомъ можно вывести даже изъ собственной аргументаціи г. Тургенева. Почтенный романистъ объясняетъ, что въ пятидесятихъ—шестидесятихъ годахъ появились «небывалыя и неотразимыя потребности», «жизнь выступила изъ литературной эпохи въ политическую», а потому «поэтъ центральный, самъ въ себѣ тяготящій, положительный, какъ жизнь на повоѣ», то есть Пушкинъ, отступилъ на второй планъ; его мѣсто занялъ «поэтъ центробѣжный, тяготящій къ другимъ, отрицательный, какъ жизнь въ движеніи», то есть Некрасовъ. Все это, по мнѣнію г. Тургенева, естественно и неизбежно вытекало изъ самаго положенія вещей и вполне этимъ положеніемъ объясняется. Ну, а что же теперь? удовлетворены что-ли «небывалыя и неотразимыя потребности»? жизнь изъ политической эпохи перешла опять въ литературную или обѣ эти сферы какъ-нибудь сопряглись въ высшемъ единствѣ всесторонней, гармонической полноты? Должно быть нѣчто подобное случилось, если въ самомъ дѣлѣ опять объявился, по словамъ г. Тургенева, запросъ на «поэта центрального, положительнаго, какъ жизнь на повоѣ». Но г. Тургеневъ не хуже меня, не хуже cadaго имѣющаго очи видѣти и уши слышати, знаетъ, что наша эпоха политическая по преимуществу, даже слишкомъ односторонне-политическая, что жизнь наша течетъ тревожнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Откуда же, изъ какой почвы можетъ тутъ вырасти усиленный запросъ на поэта, «положительнаго, какъ жизнь на повоѣ»? Поживемъ — увидимъ, а пока немножко рано началъ хоронить г. Тургеневъ «музу мести и печали». Тутъ дѣло, конечно, совсѣмъ не въ личномъ отношеніи г. Тургенева къ этой музѣ. Правда, знаменитый романистъ идетъ въ этомъ смыслѣ очень далеко, такъ далеко, что даже удивительно. Пояснимъ сначала,

что «*поэзія Пушкина*» уступила, по обстоятельствамъ, первое мѣсто поэзіи Некрасова, г. Тургеневъ въ концѣ рѣчи, не обинуясь, радуется, что русское общество опять возвращается къ «*поэзіи*», просто къ поэзіи, къ поэзіи вообще. Значить, поэзія Пушкина есть поэзія, а поэзія Некрасова даже не поэзія, а такъ себѣ, въ родѣ капусты, огородный овощъ... Это по истинѣ очень далеко, да и отъ истины не близко. Но все-таки это чисто личное мнѣніе г. Тургенева, за которое никто, кромѣ него, не отвѣтственъ. Но онъ подсовываетъ русскому обществу забвение поэта «*жизни въ движеніи*», за что Богъ истины и справедливости караетъ его по заслугамъ: заставляетъ впадать въ противорѣчія...

Въ концѣ-концовъ, если я какія-нибудь частности невѣрно понялъ или неправильно истолковалъ, остается все-таки несомнѣннымъ, что г. Тургеневъ не только память Пушкина чествовалъ, а и производилъ по своему поэтическому дѣлу шумъ. И онъ совершенно въ своемъ правѣ. Конечно, можно бы было пожелать, чтобы знаменитый романистъ, пользуясь «удобствомъ своего дебоша», употреблялъ только достойные его славы приемы, но что касается собственно дебоша, то, повторяю, онъ совершенно въ своемъ правѣ. Положимъ, что все это комедія, положимъ, что Пушкинъ тутъ только предлогъ и «удобство», но если г. Тургеневъ искренно вѣрить въ обновляющую силу и въ своевременность поэзіи, «положительной, какъ жизнь на повоѣ», то пусть пользуется «удобствомъ». Тутъ все дѣло въ искренности...

Любопытно было бы однако знать, что именно ввело г. Тургенева въ заблужденіе насчетъ возвращенія русскаго общества непосредственно-ли къ Пушкину или къ представляемой этимъ великаномъ поэзіи, «положительной, какъ жизнь на повоѣ». По видимому, нѣтъ ни одного сколько-нибудь крупнаго факта въ русской общественной жизни, который можно бы было привести въ подтвержденіе этой мысли, и есть напротивъ очень много фактовъ, прямо или косвенно ее опровергающихъ. Конечно, г. Тургеневъ могъ встрѣчать людей, не только благоговѣющихъ передъ памятью Пушкина, но и видящихъ въ немъ, какъ бы знамя минуты. Но не такъ же онъ легкомысленъ, чтобы обобщить эти случайныя встрѣчи. Перебирая въ своей памяти пережитыя нами за послѣднее время разныя разности, я могъ остановиться только на одной группѣ фактовъ, на первый взглядъ способной привести къ тѣмъ ошибочнымъ наблюдениямъ и выводамъ, къ которымъ пришелъ г. Тургеневъ. Это именно тѣ оваціи, предметомъ которыхъ были прошлою зимою гг. Тургеневъ и Достоевскій. Пушкинъ тутъ не при чемъ, конечно, но могло вазаться, что «поэзія» играетъ тутъ весьма существенную роль, что гг. Тургеневъ и Достоевскій чествуются въ качествѣ поэтовъ. Сколько помнится, однако, самъ г. Тургеневъ этому не вѣрилъ. Не помню въ точности словъ, которые ему тогда приписывались, но смыслъ ихъ былъ именно тотъ, что вотъ, дескать, я изображаю изъ себя «удобство дебоша». Эта трезвость и критическій

тактъ дѣлають величайшую честь г. Тургеневу. Онъ, равно какъ и г. Достоевскій, былъ дѣйствительно въ ту минуту «удобствомъ». Если вы, читатели и читательницы, помните, какъ вы тогда «въ воздухъ чепчики бросали» и производили другія подобныя операціи (легко можетъ быть, что и забыли), то помните также, что г. Тургеневу и Достоевскому были тогда усвоены двѣ довольно, впрочемъ, туманныя политическія программы, тѣмъ, мимоходомъ сказать, оба эти писателя были поставлены въ немалое затрудненіе. Корень былъ въ этихъ программахъ, да еще въ томъ, что русское общество чувствовало острую потребность заявить о своемъ существованіи. А затѣмъ толпа, въ которой возбужденіе передается отъ одной головы къ другой такъ же стихійно, какъ электрическая искра, всегда готова поднять на щитъ и носителя программы, и сапоги его, и вола его, и раба его, и осла его. Это въ особенностѣ относится къ нашей, русской толпѣ, имѣющей слишкомъ малую практику въ дѣлѣ выраженія своихъ чувствъ. Было бы поэтому очень нерезонно объяснять тогдашнія оваціи тѣмъ, что вотъ, дескать, русское общество отложило въ сторону всѣ свои остальныя думы, забыло всѣ свои скорби и раны и только объ одномъ и думаетъ, какъ бы увѣнчать лаврами и розами своихъ поэтовъ. Какъ уже сказано, г. Тургеневъ не впалъ въ это заблужденіе. Но все такъ...

Мнѣ не хотѣлось бы трогать несомнѣнно больное мѣсто души г. Тургенева, но дѣло это прошлое и, кажется, въ этомъ случаѣ вполне примѣнима русская пословица: былъ молодцу не уворъ. На одномъ изъ московскихъ обѣдовъ, какое-то духовное лицо имѣло безтактность провозгласить тостъ въ честь г. Тургенева, какъ автора клички «нигилистъ». Г. Тургеневу было навѣрное очень больно въ эту минуту. Онъ долженъ былъ вспомнить тѣ времена, когда отъ него, по его собственному позднѣйшему признанію, отвернулась лучшая часть русскаго общества. Но годы шли за годами, люди пробовали жить и умирали, новыя и новыя слои отложились на русской жизни, прошлое мало-по-малу стерлось, и г. Тургеневъ сталъ просто одною изъ гордостей русскаго искусства, а въ глазахъ нѣкоторыхъ еще и носительмъ извѣстной политической программы. А тамъ обычная механика возбужденія толпы, не имѣющей практики въ дѣлѣ выраженія своихъ чувствъ, и г. Тургеневъ на пьедесталѣ...

Я боюсь, что эту свою личную, очень въ сущности простую и вполне специальную, но для него самого преувеличенно важную исторію г. Тургеневъ имѣлъ неосторожность обобщить до предѣловъ возвращенія русскаго общества къ поэзіи жизни на повоѣ и къ Пушкину...

Нѣтъ, къ сожалѣнію, о Пушкинѣ мало кто у насъ думаетъ, что, впрочемъ, вполне понятно и вполне объясняется тѣми самыми мотивами, которыми г. Тургеневъ обставилъ охлажденіе къ Пушкину лѣтъ двадцать тому назадъ. Мало кто думалъ о Пушкинѣ и на пушкинскомъ праздникѣ. Что у кого болитъ,

тотъ о томъ и говорить, а спеціально Пушкинымъ у насъ, кромѣ развѣ гг. Анненкова и Грота, никто не болѣвъ. Г. Достоевскій, напримѣръ, по этой части вполне здоровъ, онъ совсѣмъ другимъ страдаетъ, онъ... самимъ собой болѣвъ...

Я не намѣренъ распространяться о рѣчи г. Достоевскаго, такъ какъ ея вліяніе и противорѣчивость достаточно характеризованы въ письмѣ г. Г. У., напечатанномъ въ прошломъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ». Характеристика вышла замѣчательно удачная, даже помимо воли автора. Въ самомъ дѣлѣ письмо г. Г. У. характеризуетъ не только рѣчь г. Достоевскаго, а и настроеніе публики, и при томъ характеризуетъ не словами лишь, а и, такъ сказать, самолично. Увлеченный общимъ настроеніемъ минуты, г. Г. У. подслушалъ въ рѣчи г. Достоевскаго то самое, что ему подсказало его собственное сердце, и только затѣмъ, посмотрѣвъ на дѣло «съ холоднымъ вниманіемъ разсудка», разобралъ, что рѣчь эта есть пустая и не совсѣмъ умная штука. Да, пустая, потому что человѣкъ не далъ ни одного твердаго вывода, ни одной не колеблющейся мысли, и не совсѣмъ умная, потому что «не можно вѣкъ носить личинъ». Для не присутствовавшихъ на праздникѣ первое впечатлѣніе не существуетъ, а у присутствовавшихъ оно пройдетъ, какъ прошло у г. Г. У. И тогда... Боже! чтó долженъ тогда подумать о г. Достоевскомъ тотъ, напримѣръ, молодой человѣкъ, который послѣ его рѣчи упалъ въ обморокъ...

Что же касается перваго впечатлѣнія, то это такъ понятно. Впервыхъ, г. Достоевскій мастерски, истинно художественно читаетъ (а вѣдь у насъ ораторы не говорятъ, а читаютъ); во вторыхъ, рѣчь его была оригинально задумана, вѣрнѣе сказать, оригинально, не по шаблону построена; третьихъ, наконецъ, публика была такъ жадна, что готова была проглотить всякій камень, обтесанный и покрашенный на манеръ хлѣба. Люди собрались производить по своему дѣлу шумъ, люди, надо помнить, непривычные, которые годами и годами ждутъ случая публично, шумно и свободно заявить о своемъ существованіи. Даже у гораздо болѣе взрослыхъ, чѣмъ мы, народовъ это публичное, свободное и шумное выраженіе чувствъ, будучи отчасти средствомъ для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, имѣетъ съ тѣмъ само по себѣ составляетъ цѣль. Какойнибудь, положимъ, англичанинъ шумитъ на митингѣ въ расчетѣ, что зтотъ шумъ произведетъ такой-то результатъ, но, помимо этого, самый этотъ шумъ есть одна изъ формъ жизни и, въ качествѣ таковой, имѣетъ совершенно самостоятельную привлекательность: человѣкъ живетъ, чувствуетъ себя единицей, а не безгласнымъ и безправымъ нулемъ, онъ самъ выбралъ себѣ предметъ уваженія, любви или ненависти, вражды, презрѣнія и естественно дорожить этой самостью. Такъ мать дорожить своимъ ребенкомъ: она «со скрежетомъ сына носила и со стономъ его родила». Но, какъ ни дорога для англичанина или другого европейца эта свобода вы-

бора и свобода выраженія, онъ все-таки, вообще говоря, не воспользуется ею, какъ капризная, нервная барыня, то есть безъ вниманія къ своимъ интересамъ, какъ онъ ихъ понимаетъ, и къ ближайшимъ практическимъ результатамъ. Можетъ, разумѣется, и съ нимъ случится грѣхъ перваго впечатлѣнія, натапливающего на слова и поступки, противорѣчащіе всему его прошлому, но это будетъ исключеніе, а не общее правило; онъ съ молокомъ матери всосалъ привычку къ самости. У насъ этого нѣтъ, конечно, и потому нечего удивляться, если свободный, публичный шумъ имѣетъ для насъ преувеличенную прелесть, если ему предаются, такъ сказать, зря, преимущественно ради него самого и въ случаяхъ, не совсѣмъ подходящихъ.

На пушкинскомъ праздникѣ публика, естественно, ожидала услышать нѣчто такое, чего она не можетъ услышать въ другихъ мѣстахъ, то есть въ печати (больше-то у насъ и мѣстъ никакихъ нѣтъ; есть, правда, еще мѣста, да тѣ ужъ очень отдаленныя). А чего именно нельзя услышать въ печати, объ чемъ именно «даже въ полголоса мы не пѣвали» — это всѣмъ очень хорошо извѣстно. Вотъ этого-то, всѣмъ извѣстнаго, но постоянно умалчиваемаго, и ждала публика, тревожно лова настроженнымъ ухомъ каждое подходящее слово, пропускаая мимо ушей остальное и жадно глотая и хлѣбъ, и камень, обтесанный и покрашенный на манеръ хлѣба. Гдѣ же ужъ тутъ было разобраться въ виляніи и двусмысленностяхъ рѣчи г. Достоевскаго. Онъ вѣдь на то и билъ, чтобы раздать всѣмъ сестрамъ по серьгамъ съ фальшивыми камнями, да потомъ всѣ серьги опять обобратить и въ себѣ въ карманъ положить, подмѣнивъ крашенныя стеклышки своихъ сережекъ чистыми алмазами и жемчугами искренняго увлеченія толпы. Я съ большимъ нетерпѣніемъ жду слѣдующаго произведенія г. Достоевскаго. Очень и очень любопытно будетъ узнать, какъ отразилось на немъ московское торжество. Не слѣпъ же онъ, не можетъ же онъ не понимать что въ его рѣчи вызвало эту сладкую бурю чувствъ; не можетъ же онъ думать, что соблазнилъ когонибудь, напримѣръ, знаменитой деревянной, стоеросовой фразой Татьяны или змѣиной насмѣшкой надъ русскимъ ситальцемъ. Быть можетъ, онъ пойметъ, наконецъ, что тамъ, гдѣ есть столько энтузіазма и горячаго увлеченія, тамъ есть по всей вѣроятности и боль, и правда; правда и боль высокая, великая, достойная прямого и честнаго къ ней отношенія...

Мнѣ обидно за г. Достоевскаго, воспользовавшагося удобствомъ, чтобы вымѣнять свои фальшивые камешки на настоящія драгоценности; обидно за публику, съ разу не замѣтившую на чьей сторонѣ выгода въ этомъ обмѣнѣ; всего обиднѣе за жизненные явленія, послужившія какъ бы подкладкой недоразумѣнія. Но все-таки я чувствую нѣкоторое удовлетвореніе. Были же какіенибудь резоны у г. Достоевскаго для раздачи всѣмъ сестрамъ по

серьгамъ, хотя бы и съ фальшивыми камнями. Были резоны и у г. Каткова для примирительной рѣчи.

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

завончилъ г. Катковъ свою рѣчь стихомъ Пушкина. О, да! да здравствуетъ солнце, да скроется тьма! Я боюсь только, что при этомъ придется скрыться и г. Каткову. Мнѣ кажется даже, что онъ и самъ этого боится, а потому и сказалъ примирительную рѣчь. Мнѣ кажется, онъ и г. Достоевскій думаютъ, что не сегодня-завтра опять и опять повторится нѣчто подобное пушкинскому празднику, что наступитъ, пожалуй, сплошной перманентный пушкинскій праздникъ, а потому надлежитъ забѣжать передъ событиями и заранѣе раздать всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. И мнѣ кажется, что они правы, если не въ расчетахъ своихъ (этому бы я не порадовался), то въ ожиданіяхъ. Не подумайте, чтобы я вернулся изъ прекрасной, ободряющей глуши нагруженный излишнимъ оптимизмомъ. Нѣтъ, я знаю, что завтра же погода можетъ переимѣниться, но при данныхъ, нынѣшнихъ обстоятельствахъ гг. Катковъ и Достоевскій, можетъ быть, и не заблуждаются. Тѣмъ временемъ мы помаленьку привыкнемъ выражать свои чувства, выбирать предметы чествованія и вражды, научимся различать фальшивыя и настоящія драгоценности, а потому—
vogue la galère!

Н. М.